ОЧЕРКЪ

НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ

СЛАВЯНЪ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОСТОЧНЫХЪ,

ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

Сочиненіе

С. Соловьева.

ОЧЕРКЪ

НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ

СЛАВЯНЪ,

преимущественно восточныхъ,

ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

Нравственная природа человѣка такъ сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и вѣрную оцѣнку. Сколько противорѣчій, сколько взглядовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаемъ мы при оцѣнкѣ характера одного какого нибудь человѣка? тѣмъ труднѣе уловить черты характера цѣлаго народа. Менѣе трудно это сдѣлать, когда народъ уже сошелъ съ исторической сцены: ясно для насъ различіе въ характерѣ Грековъ и Римлянъ по самому различію ихъ дѣятельности, ихъ историческаго значенія. Труднѣе очертить характеръ народа живаго, еще не окончившаго свое историческое поприще, хотя и здѣсь можно еще уловить нѣкоторыя характеристическія черты, если народъ прожилъ уже много вѣковъ, ознаменовалъ чѣмъ нибудь свое историческое бытіе, высказался въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Но всего труднѣе опредѣлить характеръ народа младенчествующаго, который не высказался ничѣмъ, о которомъ дошли до насъ отрывочныя извѣстія чужеземцевъ, или и своихъ, но уже отдаленныхъ вѣками и смотрѣвшихъ на нравы и обычаи предковъ съ извѣстной точки зрѣнія, мѣшающей вѣрной оцѣнкѣ. Эти размышленія заставляютъ насъ быть осторожными въ опредѣленіи народнаго характера Славянъ; не позволяютъ намъ произносить рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ въ томъ, или другомъ смыслѣ.

Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностію производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась

въ рѣзкой противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами [1]). Доброта не исключала впрочемъ свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тотъ же самый писатель, Прокопій, который хвалитъ доброту Славянъ, разсказываетъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными [2]); Адамъ Бременскій и Гельмольдъ также говорятъ о свирѣпости Славянъ противъ проповѣдниковъ Христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. — Прокопій называетъ Славянъ не лукавыми: по видимому противный отзывъ находимъ у Императора Маврикія, который называетъ ихъ вѣроломными (ἄπιςοι). Но Маврикій тотчасъ же и объясняетъ эту черту ихъ характера: между ними, говоритъ онъ, господствуютъ постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому [3]).

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ. Императоръ Маврикій говоритъ о южныхъ Славянахъ, что они ласковы къ иностранцамъ, съ усердіемъ провожаютъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отомстить за странника [4]). Гельмольдъ въ тѣхъ

---

[1]) *Прокопій:* Πονηροὶ μὲν τοι ἢ κακοῦργοι ὡς ἥκιστα τυγχάνουσιν ὄντες.

[2]) Procop. de Bello Gothico, l. III, cap. 13.

[3]) Ἄπιςοι δὲ εἰσι παντοίως καὶ ἀσύμφωνοι περὶ τὰς συνθήκας, φόβῳ μᾶλλον ἢ δώροις εἴκοντες. Διαφόρου γὰρ γνώμης κρατούσης ἐν αὐτοῖς, ἢ οὐ συμβαίνουσιν, ἢ καὶ συμβαινόντων αὐτῶν τὰ δοκοῦντα συντόμως ἕτεροι παραβαίνουσι, πάντων ἐναντίων, ἀλλήλους φρονούντων καὶ μηδενὸς τῷ ἑτέρῳ παχωρεῖν βουλομένυ.

[4]) Εἰσὶ δὲ τοῖς ἐπιξενουμένοις αὐτοῖς ἤπιοι, καὶ φιλοφρονούμενοι αὐτοὺς διασώζουσιν ἐκ τόπου εἰς τόπον οὗ ἂν δέωνται, ὡς εἴγε δι᾽ ἀμέλειαν τοῦ ὑποδεχομένου συμβῇ τὸν ξένον βλαβῆναι. Πόλεμον κινεῖ κατ᾽ αὐτὸν ὁ τοῦτον παραθέμενος σέβας ἡγούμενος τὴν τοῦ ξένου ἐκδίκησιν.

же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство Славянъ сѣверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось позволеннымъ даже украсть для угощенія[1]). — Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, которые сами подвергаются безпрерывной опасности изгнанія, всегда готовы взять въ руки страннический посохъ, и предаться на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; слѣд. Славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ другой стороны, человѣкъ, много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ, отъ такого человѣка можно было многому научиться, оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ

---

[1]) Lib. I. cap. LXXXII. Quidquid enim agricultura, piscationibus, seu venatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiorem quemque quo profusiorem jactitantes, cujus ostentationis affectatio multos eorum ad furta vel latrocinia propellit. Quae utique vitiorum apud eos quidem venialia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis vero, quod rarrissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exibilandum dicentes qui hospiti partem negare non timuisset. — Lib. II. cap. XII.

мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ, странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и цѣломъ племени гостепріимномъ; Мономахъ говоритъ въ поученіи: «Болѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ» [1]). Что у нѣкоторыхъ Славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, нѣкотораго рода хвастовство щедростію, тароватость, не разбирающая средствъ, указываютъ вышеприведенныя слова Гельмольда, и нельзя сказать, чтобъ эта черта истребилась изъ народнаго характера.

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными. Императоръ Маврикій говоритъ, что у Славянъ плѣнники не рабствуютъ цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ; но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей [2]). Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, вопервыхъ, у народовъ нѣсколько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; вовторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ остальныя хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или

[1]) Полн. собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 102.

[2]) Τοὺς δὲ ὄντας ἐν ταῖς ἀχμαλωσίαις παρ' αὐτοῖς, οὐκ ἀορίστῳ χρόνῳ, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν δουλεια κατέχουσιν, ἀλλὰ ῥητὸν ὁριζοντες αὐτοῖς χρόνον, ἐν τῇ γνώμῃ αὐτῶν ποιοῦνται, εἴτε θέλουσιν ἐν τοῖς ἰδίοις ἀναχωρῆσαι, μετά τινος μισθοῦ ἢ μένουσιν ἐκεῖσε ἐλεύθεροι καὶ φίλοι.

долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне, вопервыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во-вторыхъ, Славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями; наконецъ они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику; отсюда имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило *малый*, *юный*, доказательствомъ служитъ производное *робенокъ* или *ребенокъ*; также производные глаголы: отъ *робъ* или *рабъ*—*робѣю, умаляюсь духомъ*, точно такъ какъ *уныва̀ю* находится въ связи съ *юный* или *уный;* отсюда же слово *унеинъ* [1]); отрокъ означаетъ мальчика и раба.

Писатели хвалятъ цѣломудріе Славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ [2]), за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родоваго быта, когда вся жизнь замыкалась въ семьѣ, отдѣленной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была чужанкою. При замкнутости въ чужой семьѣ, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умри мужъ—положеніе жены, лишенной

[1]) Унній, юный. Ср. Санскр. ûna, minor.

[2]) *Маврикій: Σωφρονοῦσι δὲ ἡ θήλεα αὐτῶν ὑπὲρ πᾶσαν φύσιν ἀνθρώπου, ὥςε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἴδιον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἑκουσίως, οὐχ' ἡγούμενα ζωὴν τὴν εν χηρεία διαγωγήν.* — S. *Bonifac*: Vinedi tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset.

единственной подпоры, единственнаго звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что Славяне жили подъ формами родоваго быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при описаніи древнихъ обычаевъ Славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на Славянъ восточныхъ, то, при описаніи нравовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальный нашъ лѣтописецъ. Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, и они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ Славянскимъ нравамъ и обычаямъ свои писатели, духовные, христіанскіе, которые съ омерзѣніемъ смотрѣли на все то, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ и нашъ начальный лѣтописецъ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакой обычай: жили въ лѣсу какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и собравши кости, складывали въ малый сосудъ, и ставили на столпѣ, на распутіи [1]).

По внимательномъ разсмотрѣніи этого описанія, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Такъ Поляне, по его словамъ, отличались чистотою семейныхъ нравовъ, члены семьи были стыдливы другъ передъ другомъ.

---

[1]) П. С. Р. Л. I, стр. 6.

Основа семьи, узелъ ея — это бракъ, который тогда, при господствѣ родоваго быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лице, перемѣнялъ отношенія, однимъ словомъ, былъ единственнымъ событіемъ, которое сильно волновало родъ, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у Славянъ былъ событіемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женихъ не ходилъ за невѣстою, но ее *приводили* [1]) вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у Полянъ бракъ совершался съ согласія родственниковъ невѣсты; но предположивъ согласіе послѣднихъ, нужно заключить о мирныхъ, пріязненныхъ отношеніяхъ между родами, вступающими въ свойство; если мы примемъ чтеніе Лаврентьевскаго списка: «а завътра приношаху *по ней,* что вдадуче», то подъ *приношаху по ней, что вдадуче,* мы не можемъ разумѣть ничего инаго, кромѣ приданаго: приносили по ней, въ слѣдъ за нею, т. е. изъ родительскаго дома; подразумѣвать здѣсь подарокъ жениха невѣстѣ странно: женихъ дарилъ, и между тѣмъ къ нему въ домъ приносили, неизвѣстно откуда, въ слѣдъ за невѣстою? Что *приношаху по ней, что вдадуче,* означаетъ приданое, указываетъ нынѣ употребительное выраженіе: взять *за женою,* взять то, что будетъ принесено за женою. Но есть другое чтеніе, чтеніе Ипатьевскаго списка, которое мы считаемъ древнѣйшимъ, и которое прямо указываетъ на куплю: «А завътра приношаху *что на ней вдадуче*». На куплю также указываетъ *вѣно* съ производнымъ *вѣнити* [2]). Во всякомъ случаѣ странно было бы предположить, что обычай купли, существовавшій у всѣхъ народовъ [3]), не существовалъ первоначально у Сла-

---

[1]) Отсюда выраженіе *водимая* въ значеніи жены по преимуществу, законной жены (П. С. Р. Л. I, стр. 34): «И быша ему (Владиміру) *водимыя*.... а наложьницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ», и проч.

[2]) Не пять ли птицъ *вѣниться* пѣнязема двѣма. *Miklosich*, Radices linguae Slovenicae, p. 14.

[3]) *Aristot*, Polit. 2, *8* :Τοὺς γὰρ ἀρχαίους νόμους λίαν ἁπλοῦς εἶναι καὶ βαρβαρικούς

вянъ, особенно при условіи того разрозненнаго родоваго быта, въ которомъ жили Славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. «У Древлянъ брака не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица»; у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: «браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ неюже кто совѣщашеся; имяху же двѣ и по три жены». Похищеніе при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо [1]). Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ естественно еще изъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе; однимъ словомъ, произхожденіе купли невѣстъ одинаково съ произхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной куницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ Русскихъ: «подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь

ἐσιδηροφοροῦντό τε γάρ οἱ Ἕλληνες, καὶ τὰς γυναῖκας ἐωνοῦντο παρ ἀλλήλων.—*Grimm's* Deutsche Rechtsalterthümer, 421 et squ.

[1]) Путешеств. въ Черногорію, соч. *А. Попова*, стр. 162. «Во время сильнаго развитія родоваго устройства, судьба женщинъ унижалась. Каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, стыдится просить себѣ жену въ другомъ родѣ. Если нравилась ему дѣвица, то просто похищалъ ее и тайно вѣнчался. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ Бердѣ. Иногда похищали и чужихъ женъ. Но съ уничтоженіемъ родоваго устройства, это измѣнилось». — См. также прекрасный разборъ сочиненія г. Терещенки (Бытъ Русскаго народа), сдѣланный *К. Д. Кавелинымъ* въ „Современникѣ“.

здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ. — Чтоже ты издержалъ? спрашиваетъ дружко.—Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ) [1].

Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣд. взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ [2]). Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда произхожденіе приданаго. Обычай давать приданое долженъ былъ произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, гдѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое замѣчаемъ мы въ отношеніяхъ между Русскими

---

[1]) Бытъ Русскаго народа, соч. *А. Терещенки*, ч. II, стр. 517, 518.

[2]) Ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat (Frotho), tutiorem matrimonii fidem existimans, quod pretio firmarentur. *Saxo Gram.* Lib. 5, p. 88.

Князьями, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: *племя* дочери, сестры стало сравниваться по отношеніямъ съ племенемъ сына, брата, даже свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ *сестричичъ*, сынъ сестры, хотябы принадлежалъ къ враждебному роду, считался *своимъ;* такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды, такъ напр. «Женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно? — Денегъ. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты». Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ

жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ [1]).

Легко понять, что въ слѣдствіе различныхъ обстоятетьствъ, у разныхъ племенъ, въ одно и тоже время могли быть разные обычаи относительно брака: въ то время какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласія родителей невѣсты, даже могло быть въ обычаѣ приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. На обычай похищенія дѣвицъ на игрищахъ указываетъ разсказъ Боплана о древнемъ Украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ [2]). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: «Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмашъ, плясать, пѣть и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша, и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ» [3]). На этотъ же языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ [4]). Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху *у воды* дѣвиця», объясняются словами Митрополита Кирилла, который говоритъ: «Въ предѣлѣхъ Новгородскихъ невѣсты *водятъ къ водѣ* и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ [5]).» На употребленіе воды при бракахъ указываютъ также

---

[1]) На это указываетъ также извѣстная пословица: «Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, теща любитъ дать, а шуринъ глаза жмуритъ — дать не хочется».

[2]) Description d'Ukranie, p. 63.

[3]) Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. II, стр. 28.

[4]) *Ригельманъ*, Исторія Донскаго войска.

[5]) *Востокова*, Опис. Рум. Муз., стр. 321.

правила Іоанна Митрополита, гдѣ говорится объ языческомъ обрядѣ *плесканія*, употреблявшемся при свадьбахъ [1]).

Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похищенной сдѣланное, не могло условливать уваженія къ женщинѣ и стыдливости въ членахъ семьи: «срамословье въ нихъ предъ отьци и и предъ снохами.» Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ...... При такихъ понятіяхъ что́ могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что́ мѣшало ему имѣть двѣ и три жены? «Имяху же по двѣ и по три жены,» говоритъ лѣтописецъ [2]).

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіянскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ на распутіи. Въ чемъ состоялъ обычай погребенія у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другимъ племенъ. Что *тризна* была въ употребленіи и у Полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны нельзя разумѣть ничего инаго, какъ игры въ честь умершаго, борьбы, и т. п. Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣствичника слово *тризна* переведено *подвигъ* [3]). У Западныхъ Славянъ слово *тризна*, въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада (228); собственно это слово означало также бой, поединокъ, тризнище—мѣсто боя,

[1]) Оже не бываютъ на простыхъ людехъ благословленіе вѣнчанія, но бояре токмо и Князи вѣнчаються; простымъ же людемъ яко именемь и *плесканіемъ*... Русск. достоп. I, 101.

[2]) Обычай многоженства сохранялся и долго послѣ: Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говоритъ: „Тоже створи, иже бес труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють". Русск. Достопам. I, 91.

[3]) Востов. Опис. Румянц. Музея. N. CC. Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка, *тризна* переведено: *страдальство*, *подвигъ*. *Сахарова*: «Сказ. Русск. народа», том. II.

тризникъ — подвижникъ; тризнити по Чешски значитъ бить, а тризновати не только бить, но и насмѣхаться, тоже слѣд. что наше трунить; въ Словацкомъ трузнитися, тризнитися знач. веселиться. Въ словарѣ Памвы Берынды: «*тризнище*: мѣстце, гдѣ бываютъ поединки, або ширмѣрства, або боіованье, вытѣчки, або куглярства, и иныи таковыи, отъ сего натрижненіе, звитязства увелбенье, мзда, даръ звитязства.» Поминки состояли въ веселомъ пьяномъ пиру. Өеофилактъ [1]), описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ напалъ на князя Мусокія въ расплохъ, когда тотъ, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями. У нашего лѣтописца читаемъ о тризнѣ по Игорѣ [2]): «И посла къ Деревляномъ (Ольга), рькущи сице: Се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. — Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легько идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну творити. По семъ сѣдоша Деревляне пити..... Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня [3])». У Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей, по свидѣтельству лѣтописца, мертвыхъ сожигали, и пепелъ, собравши въ сосуды, ставили на придорожныхъ столпахъ; впрочемъ, какъ видно, одновременно съ этимъ обычаемъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, преимущественно на мѣстахъ видныхъ, холмахъ и горахъ: Аскольда и Дира погребли на горѣ; Ольга велѣла насыпать надъ Игоремъ могилу велику, и проч. Не должно думать, однако, чтобъ этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ Славянскимъ, былъ занесенъ Варягами ~~изъ Скандинавіи:~~ онъ существовалъ и у другихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ [4]); въ Краледворск. рукописи современно упоминаются два эти обряда: сожженіе и закапываніе въ могилы.

?

---

[1]) *Stritteri* Memor. Popul. II, 61.

[2]) П. С. Р. Л. I, 24.

[3]) Это выраженіе: «повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня» также замѣчательно: не было ли обычая пить въ погибель кому-нибудь, какъ пить за здравіе.

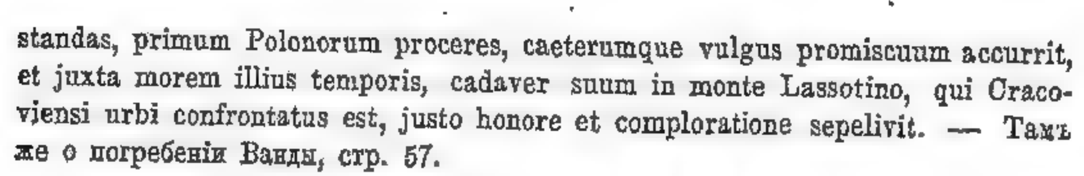
[4]) *Dlugossi* Histor. Polon., l. I, p. 53. Ad cujus (Gracchi) exequias hone-

Изъ свидѣтельствъ всѣхъ писателей, и своихъ и чужихъ, оказывается, что Славянскія племена жили подъ формою родоваго быта. Каждая многочисленная, развѣтвленная семья или родъ жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника, имѣя свой обычай; объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ. Слово *князъ* или *конязъ* произходитъ отъ корня *конъ*, предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кон* происходитъ отъ



Санскритск. *джан* — рождать, и *князъ* въ санскритскомъ имѣетъ себѣ соотвѣтственныя: джанака, джанитри, откуда латинск. *genitor* [1]). Слѣд. *князъ* имѣетъ значеніе чисто родовое, означаетъ старшаго въ родѣ родоначальника, отца семейства. Отсюда древнее названіе новобрачныхъ *князъ* и *княгиня*, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій *княжаше* въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ *княженье* въ Поляхъ.» Или: «Наши *князи* добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.» Значеніе князя или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались въ послѣдствіи наши Князья. Такъ извѣстная старинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умретъ глава племени, то всѣ дѣти сообща пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ роду своего вла-

---



standas, primum Polonorum proceres, caeterumque vulgus promiscuum accurrit, et juxta morem illius temporis, cadaver suum in monte Lassotino, qui Cracoviensi urbi confrontatus est, justo honore et comploratione sepelivit. — Тамъ же о погребеніи Ванды, стр. 57.

[1]) *Буслаева*, О вліяніи Христ. на Славян. яз., стр. 164.

дыку.» — Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ формы древняго родоваго быта, часто деревня состоитъ изъ одной семьи, которая управляется сама собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ судья или отецъ не всегда бываетъ физически самымъ старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе — *посадить князя;* избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, взноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи домовладыки, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, торжественно кадитъ домашній иконостасъ [1]). Изъ исторіи отношеній между Русскими Князьями мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженіе всегда старшему въ родѣ, знаемъ, какъ измѣнялись понятія о старшинствѣ, какъ терялись права на старшинство въ слѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, личныхъ отношеній и т. п., особенно когда родъ дробился все болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Естественно предположить, что такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія жилища; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами. Таковы были необходимыя слѣдствія родоваго быта, подъ формами котораго жили Славяне. Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но изъ начала живутъ при народномъ правленіи [2]); это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ [3]),

[1]) Les Slaves de Turquie, par *M. Cyprien Robert*, I, p. 78, 79.

[2]) *Οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνὸς, ἀλλ᾽ ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι.*

[3]) *Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν.*

ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться въ видѣ правителей, съ другой, родовыя отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему не могли быть понятны для грека, привыкшаго къ отношеніямъ государственнымъ, и онъ поэтому имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи; да и самъ Маврикій, который упоминаетъ о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства (*ἄναρχα*) [1]. Но всѣ писатели, хваля Славянъ, между тѣмъ единогласно говорятъ объ ихъ несогласіи, сильной враждѣ другъ съ другомъ; эти свидѣтельства могутъ быть объяснены только родовымъ бытомъ. Маврикій говоритъ, что Славяне питаютъ другъ къ другу ненависть [2]); онъ же говоритъ, что они ни въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и чтó положатъ одни, на то не рѣшатся другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много цариковъ, продолжаетъ Маврикій, и эти царики между собою несогласны, то полезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону [3]).

Но при всей враждебности отношеній, какая могла существовать между родами, необходимость нерѣдко должна была заставлять ихъ соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; являлись *вѣча, сходки*. О вѣчахъ упоминаетъ Прокопій, говоря, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ [4]). По всѣмъ вѣроятностямъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ Князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но *старцы*, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя, знакъ ослабленія родоваго

---

[1]) Тоже самое говоритъ *Адамъ Бременскій:* Nullum inter se pati dominum volunt.

[2]) *Μισάλληλα ὄντα.*

[3]) *Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν καὶ ἀσυμφώνως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους, οὐκ ἄτοπον τινὰς αὐτῶν μεταχειρίζεσθαι ἢ λόγοις ἢ δώροις καὶ μάλιστα τοὺς ἐγγυτέρω τῶν μεθορίων, καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπέρχεσθαι, ἵνα μὴ πρὸς πάντας ἔχθρα ἕνωσιν, ἢ μοναρχίαν ποιήσῃ.*

[4]) *Καὶ διὰ τουτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τάτε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα εἰς κοινὸν ἄγεται.*

быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ Князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться Печенѣгамъ. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣча, не созывая новаго [1]). Наконецъ въ приведенной выше старинной Чешской пѣснѣ говорится, что только одни владыки родовъ ходятъ на снемы или вѣча [2]). Слово *вѣче* означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякой разговоръ; изъ этой неопредѣленности значенія видно уже, что вѣче не могло имѣть какихъ-нибудь опредѣленныхъ формъ, уставовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, здѣсь не могло быть рѣшенія по большинству голосовъ; но такъ какъ разнящійся во мнѣніи вовсе не считалъ себя обязаннымъ повиноваться рѣшенію другихъ, то большинство должно было постоянно прибѣгать къ физической силѣ для того, чтобъ заставить меншинство принять свое рѣшеніе, въ слѣдствіе чего вѣча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитіемъ или вообще насиліемъ надъ меншинствомъ, чему лучшимъ примѣромъ служатъ вѣча Новгородскія. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ о вѣчахъ Лутичей, что здѣсь въ рѣшеніяхъ всѣ должны быть согласны; если же кто противорѣчитъ, того бьютъ розгами; а если и послѣ того опять будетъ явно сопротивляться приговору, то теряетъ все свое имущество отъ огня и разграбленія, или долженъ откупаться деньгами [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л. I, 55.

[2]) Wladyku si z roda wyberuce,
Ky plzne — dle w snemy slawny chodi,
Chodi s kmetmi, s lechy, wlądykami.

[3]) *Thietmar. Merseburg.* ap. Pertz, V, 812: Liutici unanimi consilio ad placitum suimet necessario discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex conprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua deprædatione

Что касается до отношенія къ собственности, то родовой бытъ условливалъ общую нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Приведенная не разъ старинная Чешская пѣсня говоритъ: «когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣніе родовою собственностію необходимо заставляло родичей возстановить значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣд. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе.

Не смотря на давнее существованіе городовъ среди Славянскихъ земель, родовой бытъ не могъ благопріятствовать ихъ размноженію, ибо при немъ каждый родъ любилъ жить особо, чему много способствовало неизмѣримое, дѣвственное, мало населенное пространство земель, обитаемыхъ Славянами. Эта особность и разсѣянность заставили даже Прокопія думать, что Славяне и самое имя свое получили отъ разсѣянныхъ въ далекѣ другъ отъ друга жилищъ—*Σπόροι* отъ *σποράδην* [1]). Тотъ же Прокопій горитъ о Славянахъ, что они живутъ въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняютъ мѣсто жительства [2]). Но эта непрочность и частая перемѣна жилищъ не была слѣдствіемъ малой осѣдлости, еще неискоренившагося влеченія къ кочевой жизни; она была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ,

---

perdit, aut in eorum præsentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae.

[1]) *Σπόρους γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρους ἐκάλουν, ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσπηνημένοι τὴν χώραν οἰκουσι διὸ δη καὶ, γῆν πολλὴν τινα ἔχουσι. Τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἑτέρας του Ιστρου ὄχθης αὐτοὶ νέμονται.*

[2]) *Οἰκουσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῷ μὲν ἀπ' ἀλλήλων. ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικήσεως ἕκαστον χῶρον.*

болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники [1]). Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія. Жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражьихъ нападеній продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою Князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если Князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ, на югѣ настали Польскія насилія, и что-же видимъ? на сѣверѣ, какъ скоро начнутся княжескія усобицы, сопровождавшіяся насиліями для народа, послѣдній покидаетъ свои жилища, съ прекращеніемъ же усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные побѣги усиливаютъ казачество, и послѣ на сѣверѣ *розбрестися розно* отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почемъ для жителей. Не нужно прибавлять, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готовымъ покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чужому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій [2]). Родовой бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду, и слѣд. слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны, рѣдко наступательной, большею частью оборонительной. Не имѣя одного общаго начальника, и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и откры-

---

[1]) Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκοῦντα, καὶ πολυσχεδεῖς τὰς ἐξόδους τῶν οἰκήσεων ποιούμενα, διὰ τὰς ὡς εἰκὸς συμβαινούσας αὐτοῖς περιστάσεις. Τὰ ἀναγκαῖα τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐν ἀποκρύφῳ χωννύουσιν, οὐδὲν περιττὸν ἐν φανερῷ κεκτημένων, καὶ βίον ζῶντα ληστρικόν.

[2]) Τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν ὁμοδίαιτά τε καὶ ὁμότροπα εἰσὶ καὶ ἐλεύθερα, μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἄρχεσθαι πειθόμενα.

тыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростью; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему Императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движеніямъ бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный медикъ не подастъ скорой помощи раненому. Кромѣ этихъ извѣстій Маврикія, у Прокопія читаемъ еще, что Славяне, вступая въ битву, не надѣваютъ латъ; на нѣкоторыхъ нѣтъ даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ ихъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массагетамъ, они были покрыты грязью и всякою нечистотою [1]). Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны и крѣпки; кожа у нимъ не совершенно бѣла, волоса длинные, темнорусые, лицо красноватое.

Что касается до религіи Славянъ, то верховнымъ божествомъ ихъ былъ *Сварогъ*. Филологически это названіе объясняется изъ санскритскаго: сварга—coelum Indri, aether [2]); въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварогѣ [3]): «И бысть по

---

[1]) *Δίαιταν δὲ σκληράν τε καὶ ἀπημελημένην, ὥσπερ οἱ Μασσαγέται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι καὶ ῥύπου, ἧπερ ἐκεῖνοι, πλήρεις ἐνδελεχέστατα μένουσι.*

[2]) См. ст. *Шафарика* „О Сварогѣ", перев. въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Истор. и Др. № 1, 1846 г.

[3]) П. С. Р. Л. II, 5,

потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ *Феоста*, иже и *Совароіа* нарекоша Египтяне; царствующю сему Феостѣ въ Египтѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье».—И такъ Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Ѳеостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, Египетскимъ Фта; Вулканъ есть богъ молніи, ковачь небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Что Славяне признавали верховнымъ господомъ вселенной бога, производителя молніи, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Прокопій [1]). Но у этого верховнаго бога, бога молніи, было еще другое народное названіе *Перуна*; и такъ имѣемъ право заключить, что Сварогъ и Перунъ суть различныя названія одного и того же божества.

Что Сварогъ-Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна Сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи [2]):

Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Свѣтом Петру петровске врутине,
А Іовану леда и снијега,
А Николи на води слободу,
А Илији муніе и стријеле.

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе [3]); вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченныхъ не съхранимъ: да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти (золоти) яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ». Слова: «да будемъ золоти яко золото» объясняютъ такъ: изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня [4]). Сварогъ-Перунъ въ народ-

---

[1]) *Θεὸν μὲν γάρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς. δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι.*

[2]) *Вука Стефановича:* I, № 230.

[3]) П. С. Р. Л. I, 23: Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое и щиты и золото. Тамъ же стр. 31.

[4]) О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ, соч. Ѳед. Буслаева, стр. 13.

номъ воображеніи представлялся божествомъ-воителемъ, котораго оружіе было особенно направлено противъ злыхъ духовъ: вѣроятно присутствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, исчезавшее послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстіе.

Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: Солнце и Огонь. Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ». Братомъ солнца, сыномъ Сварога, называется также и огонь: «Огневи молятся, зовутъ его Сварожицемъ [1]).» Одного изъ Сварожичей обожали и Западные Славяне [2]). Солнце носило разныя названія: мы видѣли, что оно во первыхъ называлось Дажбогомъ, Даждьбогомъ, Дажбою; но, подобно тому, какъ верховное божество грома и молніи, кромѣ Славянскаго названія Перуна, носило еще восточное названіе Сварога, такъ точно и Солнце, кромѣ Славянскаго имени Даждьбога, имѣло еще восточное *Хорса* или Короса [3]). Солнце, какъ видно, считали Славяне преимущественно своимъ божествомъ; на это указываетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ Русскіе называются внуками Даждь-Бога. Но если солнце Даждь-Богъ есть дѣдъ русскаго народа, дѣдъ Славянъ, то его подъ этимъ именемъ величаютъ и до сихъ поръ въ пѣсняхъ: *Дѣдъ* или *Дидъ*; здѣсь же, въ пѣсняхъ, у него есть и другое имя—*Ладо*—свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Другое названіе

---

[1]) Востокова Опис. Рум. Музея. 228.

[2]) *Thietmari* Chronicon, L. VI, cap. 17, in Pertz Monum t. V, p. 812: Est urbs quaedam in pago Riedirierun, Riedegost nomine... In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Hujus parietes variae deorum dearumqe imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculpti, galeis atque loricis terribiliter vestiti, quorum primus *Zuarasici* dicitur et prae caeteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur.

[3]) О тождествѣ Хорса и Дажбога, см. статью *О. Бодянскаго*, въ Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. 1846 г., № 2.

божества солнца, встрѣчающееся въ нашихъ пѣсняхъ, есть *Лель*, *Люль*: Лель значитъ также дѣдъ: по древански дѣдъ *lgôlga*, т. е. *ljolja*; отсюда Богъ назывался *nos lgôlga*, т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадѣдъ [1]). Что солнце считалось дѣдомъ или отцомъ народа, на это указываетъ слѣдующая извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Пить, ѣсть просятъ [2]).

Далѣе, по одинакимъ съ Греками представленіямъ, божество солнца у Славянъ почиталось также божествомъ губительнымъ не только для враждебныхъ ему силъ природы, холода, мрака, но и для всего живущаго; въ этомъ смыслѣ оно носитъ названіе *Карачуна* (Аполлонъ-губитель), Крачуна, Кречуна: отсюда въ Сербскихъ пѣсняхъ оно называется *старымъ кровникомъ*: «од бога од старог Крвника [3])».

Какъ вездѣ, такъ и у насъ имя Ладо, языческаго божества, послѣ принятія христіанства, перешло въ имя бѣса, получило дурное значеніе; народъ говоритъ: ступай къ Ладу или къ Ляду, вмѣсто: ступай къ черту; лядащій значитъ слабый, дрянной; самое слово *дѣдъ*, какъ названіе языческаго божества, начало означать черта: Памва Берында отличаетъ дядко отъ дѣдко: «сице бо нѣцыи обыкоша діавола именовати».

Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ о богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми

---

1) *Добровскаго* Slovanke I, 13.

2) Или:
Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ;
Собаки то не ѣдятъ,
А куры то не клюютъ.
Солнышко покажись, и проч.

См. Вука Стеф. Караджъ. Српске нар. пјесме I. 49, 97, 111, 119, 198, 199, 276, 277, 356, 512. Кралу, свѣтли Кралу лело!

3) Вука Стеф. II, 440. — «Можетъ быть, замѣчаетъ Буслаевъ (О вліян. Хр. стр. 123), въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названіямъ многихъ болѣзней отъ богъ: богине — оспа, божій бичъ, божа моць — падучая болѣзнь, божа рука — ударъ, божа рана — чума, божіе — обморокъ».

внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго [1]). Гораздо опредѣленнѣе сказано въ лѣтописи о Волосѣ; такъ читаемъ [2]): «А Ольга водиша и мужій его на роту; по Русскому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, Волосомъ, скотьимъ богомъ.» Въ другомъ мѣстѣ [3]): «Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога.» Это божество такъ странно является среди стихійныхъ божествъ Славянскихъ, что приходитъ на мысль, не заимствовано ли оно у какого-нибудь чуждаго народа, съ которымъ Славяне находились въ постоянномъ соприкосновеніи. У Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя *Сторъюнкора*, что значитъ *великій господинъ* [4]). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Авраамій въ XII вѣкѣ разрушилъ кумиръ Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ [5]); кумиръ этотъ былъ въ видѣ *камня*: это объясняетъ намъ, почему въ начальной лѣтописи мы не находимъ извѣстія объ истуканѣ Волоса въ числѣ истукановъ другихъ божествъ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ, напр. на рѣкѣ Вагѣ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздѣ [6]); Мордовскій праздникъ Вел-Оксъ напоминаетъ также Велеса [7]). Наконецъ

---

[1]) По мнѣнію покойнаго *Прейса* (См. Донесеніе его г. Министру Народ. Просв. изъ Праги, отъ 26 декабря 1840. Ж. М. Н. П. 1841, часть XXIX) чтеніе Сема (Сима) и регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами Εργελ и Ἀσιμαθ, какъ они читаются въ Библіи (Кн. Царствъ IV, 17, 30); Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошь считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, причемъ указываетъ на древнее слово *мокачный*, употребленное нѣсколько разъ у Даніила Паломника.

[2]) П. С. Р. Л. I, 13.

[3]) Тамъ же, 31.

[4]) Mone — Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, I, 36.

[5]) Прологъ и Минея 29 октября.

[6]) *Снегирева* Р. простон. праздн. III, 156.

[7]) Тамъ же, стр. 153.

въ Словѣ о Полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Баянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключать, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества. Для объясненія этого замѣтимъ, что по Фински *runa* значитъ и пѣснь, и письмо, и мистерія, и символъ, что *вѣтія* въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ, *вѣтьство* употреблялось въ смыслѣ колдовства [1]), колдовствомъ же отличались особенно Финны.

Мы видѣли, что главныя божества восточныхъ Славянъ были стихійныя—Сварогъ-Перунъ и двое дѣтей его, двое Сварожичей—Солнце (Хорсъ-Дажбогъ) и Огонь: «Уже бо не нарекутся богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь», говоритъ Кириллъ Туровскій. Вода, обоготворялась ли она, или нѣтъ въ образѣ Мокоша, пользовалась также религіознымъ уваженіемъ: «Овъ трѣбу створи на студеньци дьжда искы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дъждъ даетъ. Овъ несущимъ богомъ жьретъ и Бога створьшаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живущь въ ней яко Бога нарицая, трѣбу творить [2])». Связь между Стрибогомъ и вѣтрами очевидна изъ Слова о П. И.—Теперь обратимся къ простонароднымъ праздникамъ, въ которыхъ ясно видно, что они въ древности совершались въ честь стихійныхъ божествъ. Первый праздникъ отправляется въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; второй праздникъ въ началѣ весны, когда солнце теплотою своею прогоняетъ зиму; наконецъ третій праздникъ въ концѣ Іюня, когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности. Первый праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе *Коляды*, хотя этоже названіе придается и остальнымъ двумъ праздникамъ солнца. У нѣкоторыхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ вечеръ на Рождество Христово называется *Керачунь-вечерь*, вечеръ Карачуна (солнца, губящаго мракъ и холодъ, см. выше); Карачунъ былъ извѣстенъ и на сѣверѣ; такъ въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «Стояше вся осенина дъждева, отъ Госпожина дни

---

[1]) Буслаева — О вл. Хр. на Сл. яз. стр. 172 и слѣд.

[2]) Кешена — Библіогр. листы № 7, стр. 88.

до Корочюна [1])». Что касается до словопроизводства Коляды, то очень вѣроятно, что одною изъ составныхъ частей служитъ слово: *Ладо: ко-Ладу* или *коло Лада*. Существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить, прославлять божество, и сбирать подаянія; какъ видно, во времена языческія приношенія собирались для общей жертвы; это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи калдовати (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, калдовавцъ—жрецъ, калдовница—жертвенникъ [2]). Изъ обрядовъ коледы въ вечеръ 24 Декабря осталось до сихъ поръ у южныхъ Славянъ принятіе Карачуна: приготовляютъ большой пиръ, пекутъ огромной величины хлѣбъ, называемый Крачуный или Крачунъ. Съ появленіемъ звѣзды двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски [3]). У Сербовъ вечеръ наканунѣ Рождества называется *бадній вечеръ:* вырубаютъ большое полѣно — *бадиякъ*, и кладутъ въ печь, зажигая съ двухъ концевъ. Когда внесутъ его въ домъ, то посыпаютъ пшеницею, и кто внесъ говоритъ: «добры вѣчеръ и честиты бадни вѣчеръ». Хозяинъ отвѣчаетъ: «И съ тобомъ заедно срѣчно и честито», и снова посыпаетъ бадиякъ пшеницею, приговаривая: «Я тебя пшеницею, а ты меня мушкими главама, стокомъ и пченицомъ и свакомъ добромъ сречомъ». Послѣ такой встрѣчи кладутъ его въ печь и зажигаютъ; начинаютъ пить изъ круговой чаши, и каждый, взявъ чашу, прежде нежели начнетъ пить, плещетъ на бадняка, приговаривая: «будь здравъ, бадняче, вѣселяче, съ великомъ и добромъ сречомъ у кучу улега». Полѣно лежитъ въ печи и тлѣетъ до самаго новаго года [4]). Изъ обряда ясно видно, что баднякъ былъ изображеніемъ божества, которому праздновали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ *Авсеня* или Таусеня; это измѣненное *Ясенъ*, другое имя солнца [5]). Изъ пѣсенъ колядныхъ для насъ замѣчательна слѣдующая:

---

[1]) П. С. Р. Л. III, стр. 9, годъ 1143. Теперь въ народѣ Рождественскій постъ называется Корочуномъ.

[2]) *Срезневскаго* — Свят. и обр. яз. богосл. древ. Слав. стр. 66.

[3]) Терещенко — Бытъ Рус. народа, ч. VII стр. 20.

[4]) Попова — Путешествіе въ Черногорію, стр. 223.

[5]) Dlugossi — Hist. Pol. l. I, p. 36.

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою, за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колядушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

Для объясненія этой пѣсни приведемъ разсказъ объ языческомъ праздникѣ племенъ Латышскихъ: поселяне изъ многихъ деревень собирались на одно мѣсто, гдѣ раскладывали большой огонь и приводили козла; верховный жрецъ клалъ на него обѣ руки, и призывалъ боговъ; послѣ этого присутствовавшіе поднимали козла, и начинали пѣснь, по окончаніи которой опять опускали козла на землю. Потомъ верховный жрецъ увѣщевалъ народъ, прославлялъ благодѣянія боговъ, и требовалъ у присутствующихъ, чтобъ они достойнымъ образомъ совершили праздество; наконецъ убивалъ козла, и мясо отдавалъ женщинамъ для приготовленія; пиръ продолжался до утра [1]). — Въ одномъ актѣ XVII вѣка говорится, что въ навечеріи Богоявленія въ Москвѣ народъ кликалъ *Плугу* [2]). Что это было за божество — мы не знаемъ; замѣтимъ одно, что обыкновенно послѣ принятія Христіанства имена божествъ, какъ имена бѣсовъ, дѣлались предметомъ омерзѣнія для народа, словами бранными; мы видѣли, что такая участь постигла Ладо; тоже самое случилось и съ Плугою или Плюгою, ибо отсюда произошли слова: плюгавый, плюгавство.

Второй праздникъ имѣлъ мѣсто въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи Христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. И такъ масляница есть языческій весенній праздникъ. На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на

[1]) *Eckermann*. Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der Slawischen Stämme, II, 70.
[2]) Царская грамота къ Шуйскому воеводѣ Змееву 1649 года.

колесъ вверху столба, утвержденнаго посреди саней [1]); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца [2]); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду [3]), что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца. Что масляница есть собственно весенній праздникъ, праздникъ встрѣчи весны и проводовъ зимы, указываетъ слѣдующій обычай: въ среду на пятой недѣлѣ Великаго поста въ селеніяхъ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи бываютъ сходбища по избамъ для проводовъ зимы. Послѣ работъ выходятъ мужчины и женщины на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ. Молодые, неженатые мужики вывозятъ сани, сажаютъ въ нихъ дѣвицъ и женщинъ, съ шумомъ и крикомъ возятъ ихъ по улицамъ, и проч. [4]). Извѣстно, что послѣдній обычай есть масляничный. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинакими обрядами [5]). Употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами, напр.

Весна, весна красная!
Приди весна съ радостью, и проч.

Въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. При этомъ у Чеховъ поется:

Giz nesem smert ze wsy.
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obiliczko zelene.

Или «Smrt plyne po wode, nowé léto k nam gede». Весна встрѣчается обыкновенно на *красной горкѣ*. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и прямое отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію; это видно уже и изъ самаго названія (короводъ или хороводъ отъ *короса* или *хороса*, бо-

---

[1]) Снегирева Р. П. П. II. 127, 128.

[2]) *Grimm* — D. Mytholog. I, 578.

[3]) Сахар. Сказ. Р. н., II, ст. нар. праздн. и обыч., стр. 73.

[4]) Тамъ же, стр. 95.

[5]) Ср. обычаи разныхъ народовъ, Славянскихъ и неславянскихъ, у Гримма — D. Mythol. II, 742.

жества солнца) и изъ круговой формы. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній было самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ. Это поздравленіе извѣстно подъ именемъ *вьюнитства*, отъ словъ *вьюнъ* и *вьюница*, т. е. юнъ и юница, молодой и молодая [1]).

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 іюня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана *Купалы*, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ есть общій не только всѣмъ Славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ [2]). Что касается названія *Купалы*, то мы не рѣшаемся дать предпочтеніе которому нибудь изъ двухъ словопроизводствъ — отъ купанья или отъ *купы*, собранія народа, торжества, праздника по преимуществу. Хотя по обрядамъ празднества можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ—обоимъ Сварожичамъ—Солнцу и Огню, и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Очень естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобъ встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило—божество. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ через нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы, привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу (ср. самое названіе: куръ-коръ, корсъ,

---

[1]) См. подробности у Снегир. Р. П. П. III, 28, и Терещенки: Бытъ Р. Н. V, 16.

[2]) Ср. Гримма D. Mythol. I, 583 и слѣд.

хорсъ); бѣлый цвѣтъ пѣтуха также относился къ послѣднему. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ разходятся дубы, и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги.—Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и бриллiантовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ, и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]).

И въ лѣтній праздникъ повторяется въ честь солнца обрядъ истребленія чучелы Мары, — холода, смерти: ее топятъ въ водѣ. Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ: такъ названіе праздниковъ *Коляда* и *Купала* явились уже названіемъ божествъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя пѣсня обличаетъ различіе:

Ходыли дивочки около Мареночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Ивана, и проч.

Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ *Ярилы* [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 іюня; но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ или Троицынъ день, или на розговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ

[1]) Терещенко — Б. Р. Н. V, 79.

[2]) Иванъ Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. Снегирева Р. П. П. I, 179.

съ праздникомъ Купалы, то во время его то преимущественно и должны были происходить тѣ сцены, противъ которыхъ такъ вооружается лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыкиванiе дѣвицъ: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Игра *горѣлки* всего лучше напоминаетъ это умыкиванiе «съ нею же съвѣщашеся». Самое названiе *горѣлки* показываетъ, что эта игра особенно производилась во время *горѣлокъ*, во время ночнаго празднества, при горѣнiи костровъ. Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: «Русалiи о Iоаннѣ днѣ, въ навечерiи Рождества Христова и Крещенiя сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеванiе, и на безчинный говоръ, и на плясанiе, и на скаканiе, и на богомерзскiя дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненiе и дѣвамъ растлѣнiе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричанiемъ, аки бѣснiи, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя, и падаютъ аки мертвiи отъ великаго хлохотанiя» [1]).

Мы разсмотрѣли поклоненiе стихiйнымъ божествамъ; теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской миѳологiи, именно къ поклоненiю генiямъ и душамъ усопшихъ; это поклоненiе у Славянъ было общее съ народами, у которыхъ господствовалъ родовой бытъ, и особенно съ племенами Финскими и Латышскими [2]). При вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было придти къ тому вѣрованiю, что душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостоянiемъ; отсюда произхожденiе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича —*Рода* и *Рожаницъ*: «Молятся роду и рожаницамъ....» «беззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ,» читаемъ въ древнихъ христiанскихъ поученiяхъ [3]). Хорутане вѣрятъ, что всякiй человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а

---

[1]) О празднествѣ Купальской ночи см. Посланiе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 году въ Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22, также въ Чтенiяхъ Московск. Истор. Общ. № 4, 1846 г.

[2]) Mone 1, 39: Dass nun bei diesem Volke die Geisterlehre so sehr ausgedehnt wurde, ist nicht zu verwundern, eben so wenig, dass die Hausgeister, welche gewiss die zauberkräftigen Seelen der Väter waren, auf die Nachkommen forterbten.

[3]) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228.

на землѣ свою роженицу. *Родомъ* называется въ нѣкоторыхъ Славяно-церковныхъ рукописяхъ, равно какъ и въ словѣ Даніила Заточника, духъ или привидѣніе: «дѣти бѣгаютъ рода». Въ значеніи Рода, божества-покровителя, является *щуръ*, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго *пращуръ; щуръ* предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Съ достовѣрностію можно положить, что *Чуръ* и *Родъ* одно и тоже; должно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго. Любопытно видѣть, какъ вражда родовъ отразилась въ повѣрьи о домовыхъ: какъ человѣкъ опасался человѣка изъ чужаго рода, такъ точно видѣлъ большую опасность и со стороны чужаго домоваго; въ заговорахъ читаемъ: «Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, *отъ чужаго домоваго* [1]).» Домовые у Сербовъ извѣстны подъ именемъ *Вѣдогоней*, духовъ, охраняющихъ домы и имѣніе каждаго отъ воровъ и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ и, колеблясь, они несутся по воздуху, то говорятъ: дерутся вѣдогони [2]).

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта. Какъ у Славянъ, такъ и у Финновъ было мнѣніе, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни [3]). Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія солнцу, какъ божеству, котораго вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю Коляду мертвые уже возставали изъ гробовъ своихъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ счи-

[1]) Сахарова — Сказ. Р. Н. I, стр. 19.
[2]) Путеш. въ Черногорію Ал. Попова, стр. 221.
[3]) Mone I, 98, Eckermann I, 210.

тается временемъ странствованія духовъ. Второй праздникъ Солнца, весенній, есть Масляница, которая вмѣстѣ есть и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, при чемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ [1].» Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, прямо указываютъ на религіозное значеніе этого блюда: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодязи и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару [2]. Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ красной горки соединяется съ *Радуницею* (корень *рад*—свѣтъ, radius), праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ) [3], и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ пришедшими; въ слѣдствіе этого повѣрья зарываютъ красныя яица въ выкопанныя надъ могилой ямочки. Въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья, и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць.» Кушанья должны быть нечетныя и безъ подливки. По окончаніи угощенія обращаются къ покойникамъ: «Мои радзицели! выбачайцѣ, недзивицѣ; чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада [4])». Въ Великой Россіи, между прочими причитаніями, употребляется въ это время слѣдующее: «Ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не

1) Снегирева Р. П. П. II, 120; Сахарова Ск. Р. Н. II, 72.

2) Сахарова тамъ же.

3) Grimm — Mythol. II, 766: Es scheint, man dachte sich im grund der erde, gleichsam als decke und gitter der unterwelt, einen stein, der in mhd: gedichten *dillestein* genannt ist. Hierbei erinnere ich mich des *lapis manalis* (Festus s. v.), der die grube des etruskischen *mundus* schloss und alljährlich an drei heiligen tagen abgenommen wurde, damit die seelen hinauf zur oberwelt steigen könnten.

4) Снегирева Р. П. П. III, 52.

съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не кручинить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ и проч. [1]).» У племенъ Финскихъ угощеніе мертвыхъ также въ обычаѣ [2]).

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденій новою жизнію природы, находится праздникъ Русалокъ или Русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы, имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ *русый* (свѣтлый, ясный) [3]); Русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ Славяне умирали некрещеными, то души ихъ всѣхъ должны были становиться Русалками? Онѣ могутъ быть прекрасны и безобразны, благодѣтельны и вредны, смотря по тому, какимъ людямъ принадлежали онѣ. Русалки появляются съ страстнаго четверга (когда въ старину, по Стоглаву, по рану солому палили и *кликали мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы, и живутъ на землѣ неопредѣленное время.

---

[1]) Сахарова — Сказ. Р. Н. II, 23.

[2]) День всѣхъ Святыхъ для Саволаксіи, особенно для Кареліи и Остроботніи, есть самый большой праздникъ урожая и жатвы. Всѣ отправляются въ бани, чисто вымытыя, оставляя домъ пустымъ, и столъ накрытымъ съ яствами и напитками для какихъ-то пенатовъ, называемыхъ Köyryn höntämät. Никто не имѣетъ права оставаться въ домѣ. Потомъ приготовляютъ баню съ водою и съ вѣниками уже для домовыхъ.» *Нѣкоторые обычаи, повѣрья и обряды нынѣшнихъ Финляндцевъ* — Вѣстн. Европы 1828, № 13. — Mone, I, 71: Liwen und Esthen haben noch jetzo ein Johannisfest auf den 24 Juni, es ist eine fröhliche Feier, man geht um das Feld, erfleht Aerntesegen vom Himmel und tanzet die ganze Nacht hindurch. Der Gegensatz ist das Fest für die Gestorbenen, das die Liwen und Letten vom Michelstag an drei bis fünf Wochen lang begehen. Während dieser Zeit wird von der Abenddämmerung an nicht mehr in den Häusern gearbeitet, und früh schlafen gegangen, um die herumgehenden Geister der Väter nicht zu stören. Der letzte Abend des Festes wird mit einem Essen gefeiert, dabei aber den Geistern im Vorhaus auch ein Tisch mit Speise und angezündeten Lichtern hingestellet.

[3]) Объ имени Русалокъ см. подробнѣе у Буслаева: О вл. Христ. на Слав. яз. стр. 15, 20.

Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни Русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила.» Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. Вообще у всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ; поэтому и Русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, являются при колодцахъ, ибо колодцы суть отверстія земли, изъ которыхъ выходятъ души умершихъ. Въ Черниговской губерніи, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, есть уважаемый народомъ родникъ *Заручайская криница*, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну; на срубѣ этой криницы, на разсвѣтѣ въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами, которые онѣ разчесываютъ [1]). Въ народѣ есть мнѣніе, что не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе Русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. Съ Троицына дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти [2]). Въ Краледворской рукописи читаемъ, что души, покинувъ тѣло, садятся на деревьяхъ [3]). Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ, ибо человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свой-

[1]) Снегир. Р. П. П. I, 172.

[2]) *Maciejowski — Pierwotne Dziejè Polski i Litwy*, стр. 465: Polak i wszelki Slowianin grzebiąc umarlych w ziemi, mniemal także, iż mieszkaniem duchow są podziemne kraje, lecz kraje te nie byli jednem panstwem a powszechném duchòw siedliskiem, gdzieby wszystkie przebywaly razem, byly to raczej pojedyncze miejsca, w lasach znadujące się, do ktòrych wskazywaly drogę czarownice, którą bez ich przewodnictwa cnotliwi tylko znajdowali ludzie.

[3]) Tamo i wele duš tekà sémo tamo po drewech,
Jich bojcè se ptactwo i plachy swer,
Jedno sowy nebojà se.

Или: Ai, a vyide duša z rvucei huby,
Vyletie na drvo, a po drvech
Siemo tamo, doniž mrtew nezžen.

ственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобъ пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; ибо если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму: «Се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ [1])». По свидѣтельству Козьмы Пражскаго (стр. 197), у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ, при чемъ имѣло мѣсто переряживаніе. Это извѣстіе объясняется обычаемъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, которыя, по свидѣтельству нашего лѣтописца, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, на перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила, подъ которою первоначально разумѣлись исключительно души мертвыхъ; другаго происхожденія злыхъ духовъ въ первыя времена наши предки не знали.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Семикъ, великъ день Русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Мы упоминали уже о томъ, что Масляница была также праздникомъ въ честь усопшихъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще тѣсная связь Семика съ Масляницею, связь, сохранившаяся въ преданіяхъ народныхъ: Семикъ у народа пріятель Масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее въ гости и величаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что до Христіанства Радуница соединялась съ Масляницей, и что послѣднее названіе есть позднѣйшее. Въ Семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую Субботу (на русальной недѣли) по селамъ и по погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и *въ ладони бити*». Битье въ ладони есть обычай Русалокъ. Конецъ Русальной недѣли, Тро-

[1]) Калайдовича Іоан., Екс. Болг., с. 211.

цынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ Русалокъ; въ этотъ день Русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій; пѣсня говоритъ:

Русалочки, *земляночки*
На дубъ лезли, кору грызли,
Свалилися, забилися [1]).

Здѣсь важно выраженіе *земляночки*, указывающее на Русалокъ, какъ на жительницъ земныхъ нѣдръ. Касательно же лазенія по деревьямъ есть драгоцѣнное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ Славянъ, души умершихъ должны были жить на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи Муромскаго князя Константина [2]) читаемъ: «Кони закалающе, *и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе,* и битвы и кроеніе и лицъ настреканія и дранія творяще».—Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: *провожанье Русалокъ*: «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу, Русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а *отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ»* [3]).

Одинакого произхожденія съ Русалками *Вилы* южныхъ Славянскихъ племенъ [4]), хотя преданія объ нихъ измѣнились на югѣ, какъ видно, подъ греческимъ вліяніемъ, получили болѣе античный поэтическій оттѣнокъ. Привязанность Вилъ къ Сербамъ,

---

[1]) Снегирева Р. П. П. I, 161.
[2]) Карамзинъ I, примѣч. 236.
[3]) Сахарова — Сказ. Р. Н. II, 94.
[4]) Объ отношеніи названій Русалка и Вила см. у Буслаева: О вл. Христ. на Сл. языкъ, стр. 20.

которыхъ интересы онѣ постоянно поддерживаютъ въ борьбѣ съ Турками [1]), указываетъ на первоначальныя родственныя отношенія этихъ духовъ къ племени; древнее обоготвореніе ихъ въ числѣ *тридевяти*, вѣроятно, указываетъ на тридевять первоначальныхъ родовъ [2]).

Кромѣ Русалокъ, души умершихъ, мертвецы, были извѣстны еще подъ именемъ *Навья*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки). Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще *бѣси*; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ *бѣсовъ* язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко *навье* бьютъ Полочаны.» — Изъ послѣднихъ словъ ясно видно, что первоначально въ понятіяхъ народа злые духи представлялись не иначе какъ мертвецами. Полное олицетвореніе навія находимъ въ скандинавскомъ имени карлика: nâr, nâinn, т. е. мертвецъ [3]). Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, Славянскіе *людки*, были не иное что, какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянскихъ племенъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и тоже божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворить и обожить явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, Жизнь и Смерть природы — одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной стару-

[1]) Путешеств. въ Черногорію А. Попова, стр. 219.

[2]) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228: „Иже суть крестианѣ вѣрующе... и въ вилы ихже чісломъ тридевять сестреницъ.“

[3]) Буслаева — О вл. Хр. на Слав. яз. стр. 64. — Сравни также корень *нур.*, нурити, изнуряти, absumere; *нора*, нырище, δῶμα, domus; ныряю. Ср. санскрит. *nr* — ducere и *naraka* — tartarus. Должно думать, что малороссійскія *мавки*, видъ Русалокъ, суть тоже что *навки*.

хи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца. Такъ было не у однихъ Славянъ, но и у народовъ Италійскихъ и Азіятскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера — мужескаго [1]. Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо бо́льшей чистотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное вліяніе чуждыхъ народовъ повели и къ образованію жреческаго класса и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Мы сказали, что у нашихъ восточныхъ Славянъ не было класса жрецовъ [2]. Лѣтописи совершенно молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ; нельзя предположить, что, еслибъ храмы существовали, то лѣтописцы умолчали объ ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви при разсказѣ о введеніи Христіанства и ниспроверженіи идоловъ. Во времена Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото.» Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе, что Христіанская церковь св. Иліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорятъ, что онъ поставилъ кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи Христіанства читаемъ: «Яко приде (Владиміръ), повелѣ кумиры испровреще, овы осѣчи, а другіе огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы, и проч.» — Ни слова о раззореніи храмовъ. Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова́ *требище* и *капище*, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; требище — мѣсто, гдѣ приносилась жертва, треба; капище происходитъ отъ *капь*, εἰκών,

---

[1] *Creuzers* Symbolik, II, 835.

[2] См. объ этомъ образцовое по времени разсужденіе митрополита *Платона* въ его Церковной исторіи.

imago [1]); слѣд. можетъ означать и самого идола, и также вмѣстилище идола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означать храма, видно изъ словъ лѣтописца, что Владиміръ, уходя изъ Корсуня, взялъ съ собою два мѣдныхъ капища [2]). Какъ мало было распространено собственно идолослуженіе у нашихъ Славянъ, видно изъ того, что, во первыхъ, не было храмовъ даже и въ главныхъ городахъ, Новгородѣ и Кіевѣ; во вторыхъ, въ главномъ городѣ Кіевѣ изображеніе главнаго божества, Перуна, было деревянное: «И постави кумпры—Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ.» Что идолы были деревянные, видно изъ другихъ мѣстъ лѣтописи: католическіе миссіонеры, убѣждая Владиміра, говорятъ: «Бози ваши древо суть». Варягъ, у котораго просили сына на жертву богамъ, отвѣчаетъ: «Не суть бо бози, но *древо*.»

И такъ, даже въ главныхъ городахъ мы видимъ очень мало слѣдовъ общественнаго богослуженія. Вторымъ доказательствомъ неразвитости его служитъ отсутствіе жрецовъ: лѣтописцы молчатъ о нихъ. Князь ставитъ идоловъ, Князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; Князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ тоже, — и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поражать насъ: все это было необходимо при родовомъ, особномъ быту. Въ каждомъ родѣ родоначальникъ, старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ. Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существующій обычай. Въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа *исполнить законъ:* отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за грудой всякаго печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дежь нашь батько?» то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату,» говоритъ: «Дай же боже, щобъ и на той рокъ не побачили.» Этими словами онъ выража-

[1]) «По капи нашею и по образу;» или: «Грѣхъ въ мою капь сътворенааго обетьши.» См. Miklosich, Rad. l. Sl. p. 117.

[2]) П. С. Р. Л. I, 50.

етъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего какъ въ настоящемъ [1]). У западныхъ Славянъ, гдѣ, при большемъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ, описавъ праздникъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣнялъ вино въ рогѣ идола, прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ — видятъ ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ [2]).»

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенствующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы)— многовѣтвистыя деревья: подъ ними то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы. Дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось, и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣсто пребыванія боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Если и теперь въ народѣ осталось мнѣніе, что души умершихъ могутъ питаться нашими кушаньями, то ясно, что прежде это было общимъ мнѣніемъ; отсюда угощеніе усопшимъ. Послѣ должно было явиться другое мнѣніе, что души умершихъ, какъ существа невидимыя, тонкія (*дымецъ малъ*) [3]), не могутъ питаться грубыми частями пищи, а должны питаться ея тонкими частями, менѣе матеріальными, испареніями—отсюда обычай сожженій, совпадающій съ высшимъ нечеловѣческимъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ по обычаю простаго *покорма* или сожженія жертвъ можно судить о большей или меньшей грубости народныхъ понятій о загробной жизни и божествѣ. Но такъ какъ жертва назначалась первоначально для душъ умершихъ родичей, и такъ какъ вѣрили,

---

[1]) *Срезневскій*—Свят. и Обр. стр. 77, 78.

[2]) *Saxo Gramm.* 824, 825.

[3]) «И видѣ Шигона духъ его (В. Князя Василія) отшедше аки дымецъ малъ.» Соф. врем. II, 333.

что души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ, то это всего болѣе заставило уважать деревья и приносить предъ ними жертвы. Константинъ Порфирородный говоритъ [1]), что Русскіе, приходя на островъ св. Георгія, приносили жертву подъ большимъ дубомъ; въ церковномъ уставѣ Владиміра говорится о тѣхъ, кто молится въ *рощеньи*; въ житіи князя Константина Муромскаго читаемъ: «Дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ поклоняющеся [2])». Въ Малороссіи и теперь вѣшаютъ на дубахъ, такъ сказать, въ жертву Русалкамъ полотенца и мотки нитокъ [3]). Въ лѣтописи читаемъ: «Тмою идолобѣсія помрачены суще, жертвы богомерзскія богомъ своимъ приношаху, и озеромъ и кладяземъ, и рощеніемъ [4])». Кириллъ Туровскій говоритъ [5]): «Уже бо не нарекутся богомъ—ни древеса.» Духовный регламентъ запрещаетъ пѣть молитвы передъ дубомъ.

Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды: «Овъ трѣбу створи на студеньци дъжда искы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дождъ даетъ. Овъ несущимъ богомъ жьретъ и Бога, створьшаго небо и землю, раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней яко Бога нарицая, требу творитъ [6]).» Въ Густинской лѣтописи читаемъ: «Иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ жертву приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, емуже и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче томуже бѣсу жертву сотворяютъ [7]).» Въ апрѣлѣ 1721 года изданъ былъ синодскій указъ, чтобъ приходскіе священники на святой

---

[1]) De admin. imp. 9.

[2]) Карамз. I, примѣч. 216.

[3]) *Касторскаго* — Начерт. Слав. Миө. 134.

[4]) П. С. Р. Л. II, 234.

[5]) Памятн. слов. XII в. стр. 19. Въ Краледворской рукописи:

Pode wse drva
Vzložie obieti bohóm.

[6]) Кеппена—Библіогр. листы № 7.

[7]) П. С. Р. Л. II, стр. 257.

недѣлѣ не купали и не обливали людей водою; запрещалось это во первыхъ потому, что имѣло вредныя слѣдствія для здоровья, а во вторыхъ потому, что имѣло связь съ языческимъ празднованіемъ Купалу [1]). Левъ Діаконъ говоритъ [2]), что воины Святослава погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ послѣ погребенія убитыхъ товарищей. Въ церковномъ уставѣ Владиміра говорится о молящихся у воды; въ правилахъ митрополита Іоанна: «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ». У Кирилла Туровскаго: «Не нарицайте себѣ Бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ». Выше было упомянуто объ употребленіи воды при брачныхъ обрядахъ.

При языческомъ богослуженіи Славянъ были въ употребленіи, какъ видно: мольбы, пѣсни, музыка, пляски и жертвоприношенія. У начальнаго лѣтописца читаемъ: «Сими дьяволъ лститъ, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи [3]).» Въ словѣ Христолюбца говорится: «Не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовьскихъ играти иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идолская [4]).» Молитвы сопровождались преклоненіемъ и битьемъ въ чело, какъ читаемъ въ Краледворской рукописи. Выше было упомянуто, что круговая пляска, хороводъ, имѣла религіозное значеніе. Что музыка или гудьба имѣла такое же значеніе, на это, кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, есть доказательства филологическія [5]). Изъ пѣсенъ языческаго содержанія сохранилась одна у Хорватовъ: «Лепи Иво терга роже, тебѣ, Ладо, свети боже! Ладо, слушай насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше клянямо ти: Ладо, слушай насъ, Ладо!» Другая пѣсня языческаго происхожденія, и указывающая на обожаніе солнца, сохранилась у Сербовъ, которые молятъ бога, чтобъ онъ сіялъ: «сіяй, сіяй, боже [6])!» Что касается жертвъ, то мы уже говорили объ нихъ. Какъ видно, у восточныхъ Славянъ были въ обычаѣ закланіе и приготовленіе яствы, *покормъ*, а не сожженіе. Что наши Славяне

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3771.
[2]) IX, 8.
[3]) П. С. Р. Л. I, 73.
[4]) Опис. Рум. Муз. 229.
[5]) Буслаева—О вл. Хр. на Сл. яз. стр. 110, 111.
[6]) Срезневск: Свят. и Обр. 70, 71,

смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ и душамъ умершихъ, видно изъ слѣдующаго мѣста Новгородской рукописи [1]): «Пріиде къ Новугороду Акимъ Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче и повелѣ влещи въ Волховъ, поверзавше уже волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и заповѣди никомужь нигдѣже не пріати. И се иде Пидъблянинъ рано на рѣку, хотя горьнци везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунище, *досити еси пилъ и ялъ*, а нынѣ плови уже проче». И по введеніи Христіанства жертвы продолжались по старому, въ домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей, роду и рожаницамъ, и опять въ смыслѣ трапезы, покорма: «И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумиромъ [2]) трапезы котѣйныя и законьнаго обѣда иже нарицается беззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ.» Въ этомъ свидѣтельствѣ для насъ важно упоминовеніе о *коровањ*, который былъ священнымъ, жертвеннымъ блюдомъ, на что указываетъ его употребленіе при обрядахъ (напр. свадебныхъ), также самое названіе, предполагающее корень *кор*, *хор*, имя божества солнца [3]); сюда же принадлежитъ другое жертвенное блюдо, до сихъ поръ употребляющееся вмѣстѣ съ короваемъ при обрядахъ,—*куръ*, *куря*, пѣтухъ, опять самымъ названіемъ указывающее божество солнца, которому преимущественно приносилось въ жертву. О блинахъ, какъ жертвенномъ блюдѣ, было упомянуто выше; сюда же, вѣроятно, принадлежатъ и *оладьи* [4]). У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о по-

---

[1]) Продолж. Древн. Росс. Вивліое.

[2]) Думаемъ, что здѣсь слово *кумиръ* употреблено въ смыслѣ языческаго божества вообще, а не въ смыслѣ истукана.

[3]) Въ Орловской губерніи есть обыкновеніе *молить коровай* въ Троицынъ день; обыкновеніе это состоитъ въ томъ, что приготовляется одинъ общій коровай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Снег. Р. П. П. I, 185.—Въ Краледворск. рукоп.:

Nesmeichu se biti w celo pred bohy,
Ni w sumrky üm *dawati iesti*,
Kamo otcik *dawase krmie bohom.*



[4]) Блинъ—млинъ, млинцы, отъ *мелю.*—Снегиревъ (Р. П. П. II, 117) не безъ основанія догадывается, что названіе *Оладьи* указываетъ на *Ладо.*

добныхъ *законныхъ обѣдахъ* [1]); думаемъ, что здѣсь должно искать начала *братчинъ* или *братовщинъ*.

Есть извѣстіе, что у Русскихъ Славянъ былъ также обычай приносить въ жертву богамъ людей. Эта жертва у народовъ была большею частію умилостивительная: при какихъ нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество. Можно думать, что средневѣковой обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употребленіи у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у мирныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились обыкновенно взятые въ плѣнъ непріятели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверозападныхъ племенъ Славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ христіанами; такъ и у насъ въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ религій. Видятъ также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ [2]).» Здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣже слова, которые вложилъ въ уста Философу, пришедшему для обращенія Владиміра: «Посемъ же дьяволъ въ болшее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мрамаряны, а иные златы и сребрены; кланяхуся и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля

[1]) Такъ у Гельмольда: Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.— Ср. слова во Фрейзингенской рукописи: u circuvah sih clanam ze i modlim ze im i *zesti ich pigem* i obeti nasse im nezem, и проч.

[2]) П. С. Р. Л. I, 34.

осквернена [1])». Митрополитъ Иларіонъ говоритъ: «Уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга».

Въ заключеніе намъ остается сказать о волхвахъ. Мы видѣли, что у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса; но за то были волхвы [2]), гадатели, кудесники. О волхвахъ Славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами Финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи Христіанства, волхвы преимущественно являются на Финскомъ сѣверѣ и оттуда мутятъ Славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію своею къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними. Финны знаютъ двѣ магіи—бѣлую и черную; черная—адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байвѣ, богинѣ солнца, проистекаетъ отъ адскаго царства [3]). Этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи [4]): «Приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхнованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородьцю: бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же начатъ опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По семъ же поча прашати его: что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на

[1]) Тамъ же, стр. 39. Ср. Гельмольда: Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.

[2]) О словопроизводствѣ *волхвъ* и *жрецъ* см. у Буслаева: О вл. Христ. на Слав. языкъ, стр. 22, 23.—Miklosich, R. I. S. p. 10.

[3]) Eckermann, I, 142.

[4]) П. С. Р. Л. I, 77.

аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомъ здну.» На это же Финское вѣрованіе указываетъ другой ззъ лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской обла- ии говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «мывься въ мовници и вспотивъся, отерься ветъхомъ, и къ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ творити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю ложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, къ Богу.» Доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ ства женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характе- ъстъ мужеское [1]). Изъ этого воззрѣнія Финскихъ волхвовъ мож- объяснить ихъ ненависть къ женщинамъ, о которой говоритъ лѣтописецъ [2]): «Бывши бо единою скудости Ростовьстѣй области, остаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: яко вѣ свѣвѣ, то обилье держить; и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ пого- тъ, туже нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито дер- жить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены.» — Обычай обвинять женщинъ, князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствіяхъ былъ распространенъ на всемъ сѣ- верѣ [3]): такъ иногда Новгородцы отказывали въ повиновеніи Владыкамъ [4]), Псковичи Князьямъ [5]).

---

[1]) Mone I, 40; Eckermann I, 141, 142: Merkwürdig ist auch der Gegensatz der Geschlecher in der ganzen Zauberei, besonders beim Kannus. Das Holz musste nach der Sonnengöttin Baiwe zu gewachsen sein, und doch durfte sich kein Weib der Zaubertrommel näheren, wenn nicht ihre ganze Zauberkraft dahin sein sollte. Alles dieses hat darin aber seinen Grund, weil des Weibes monatliches Zauberblut allen Zauber aufhebt.

[2]) П. С. Р. Л. I, 75.

[3]) *Lappenberg* Urkund. I, 105. Письмо Григорія VII къ Датскому королю Гаральду 1080 года: „Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.“.

[4]) П. С. Р. Л. III, 44: „И въздвиже (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоить тепло дълго,“ и проч.

[5]) П. С. Р. Л. IV, 198: А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичю: „тебе ради моръ сей у насъ,“ и выѣха Князь Данило изо Пскова.

Изъ предложеннаго обзора религіи восточныхъ племенъ Славянскихъ можно вывести слѣдующее заключеніе: религія эта состояла, во первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ, во вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ, и изъ котораго преимущественно развилась вся Славянская демонологія. Въ слѣдствіе также родова быта, у восточныхъ Славянъ не могло развиться обществен богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отс частію объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не ничего противопоставить Христіанству, такъ легко уступило ем общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ Христіанствомъ, но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы Христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію, и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ Русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцемъ семейства, съ прежними *законными обѣдами*, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ.

С. Соловьевъ.

8 октября 1849 года.